

УДК 821.0(470+571)

Э.В. Чумакевич

ПОСТРЕАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ: РОМАНЫ Д. РУБИНОЙ И Л. УЛИЦКОЙ

В статье рассмотрены романы Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» и Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», которые удостоены литературной премии России «Большая книга» за 2007 год (третьей и первой соответственно). Исследованы схожие в этих произведениях черты постреализма, убедительно показана связь между двумя романами – оба они охватывают эпоху войны 1941–1945 годов и послевоенные десятилетия вплоть до наших дней. Обеим писательницам удалось создать неповторимый «психологический эпос»: в романе Д. Рубиной на примере портретов и фрагментов судеб жителей старого Ташкента показаны типы «советского человека» в лучших и худших его проявлениях; книга Л. Улицкой о христианском священнике Даниэле Штайне раскрывает вопросы веры и национальности в мировом масштабе.

Граница между светом и тенью – ты.
Станислав Ежи Лец

Постреализм начала XXI века – явление отрадное и закономерное. На новом витке истории с некоторыми оттенками и вариациями в литературном процессе повторилась ситуация рубежа XIX – начала XX веков, когда классический реализм XIX века сменило бурное развитие модернистских течений.

Начиная с 30-х годов XX века эта линия пресекается насильственным утверждением социалистического реализма – тотальным давлением идеологии на все виды искусства. Попытки убить живую душу, как известно, обречены на провал. Уже во время хрущевской «оттепели», в 60-е годы, а позже в 80-е делались единичные попытки писать не по указке сверху. Судьба авторов того времени трагична. В лучшем случае – шквал уничижительной критики и последующее замалчивание, в худшем – высылка из страны. Вывести литературу из идеологического тупика, оживить ее пытались, например, В. Орлов («Альтист Данилов»), А. Синявский («Прогулки с Пушкиным»), А. Битов и др. Для того времени их проза была опасной и шокирующей: авторы обращались к внутреннему миру человека, ломали советские стереотипы.

Наступившая перестройка провозгласила полную свободу во всем. Началась переоценка ценностей, сумбур в сознании, потеря ориентиров. Первым мощной волной выплеснулся, сдерживаемый почти 80 лет и не получивший в свое время полного развития, модернизм, нареченный через 100 лет русским постмодернизмом. О реализме в пылу разрешенного экспериментаторства забыли. Снова, как и на рубеже XX века, стали высказываться мнения, что реализм умер, что теперь литература погрязнет в вымышленных мирах и конструкциях. Действительно, советский реализм себя изжил, рухнул вместе с коммунистической идеологией, но реализм – основа мировидения человека – не может исчезнуть. Пережив очередное рождение, постреализм современности сумел глубоко и емко отразить происходящее, подвести итоги пережитого. Получившие свободу писатели создали произведения глубокие, выстраданные, вобравшие в себя и трагический опыт перестройки.

Лучшие из современных писателей в своей прозе оформляют все жизненное, собирают и воплощают смысл увиденного и познанного в реальности. Их слово необычайно богато и гибко, аккумулирует в себе всю полноту постигаемого смысла, несет на себе отпечаток высшей правды, ничем не ограничиваемой действительности. Правда жизни, увиденная и постигнутая индивидуально полно, творит индивидуальный стиль

как проявление самой правды бытия. Писательская «субъективность» отнюдь не уводит от правды бытия в сторону субъективного, напротив, позволяет действительности проявиться в слове. Цель писателя – не растерять и не обеднить то, что открылось ему в самом бытии. Жанр романа бесконечно разнообразен, что в полной мере доказывают анализируемые произведения.

Новый роман замечательной писательницы Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» удостоен третьей литературной премии России «Большая книга» за 2007 год. На церемонии награждения лауреатка призналась, что не ожидала награды, так как не живет в России с 1990 года.

Д. Рубина сейчас – одна из наиболее талантливых, ярких художников-прозаиков русского Израиля, становление творческой индивидуальности которой, как и всех эмигрантов третьей волны, происходило в Советском Союзе. Известность пришла к ней после первой публикации в журнале «Юность» в 1977 году. Это была повесть «Когда же пойдет снег?», которая была экранизирована и шла во многих театрах СССР. Еще до эмиграции вышли четыре книги прозы Д. Рубиной, переведенные на двенадцать языков. О жизни и творчестве писательницы поэт Андрей Дементьев снял телефильм «Дина». После отъезда в эмиграцию Рубина печатала свои произведения как в Израиле, так и в российских журналах «Новый мир» и «Дружба народов» («Один интеллигент уселся на дороге», «Глаза героя крупным планом», «Во вратах Твоих», «Вот идет Мессия!...»).

Роман «На солнечной стороне улицы» по достоинству может быть оценен именно в России, а точнее, на всем пространстве СНГ, ибо речь в нем идет о послевоенном Ташкенте, который стал одним из центров эвакуации, превратился в «город Вавилон», давший приют сотням тысяч обездоленных беженцев всех национальностей и сословий. Сам город, бывшие жители которого до сих пор разбросаны по всему миру, является своеобразной основой, главным героем романа: из него выходят и на нем замыкаются в воспоминаниях героев все сюжетные линии.

Автор посвящает книгу своим родителям, выражает благодарность бывшим ташкентцам «за бесценные блестики памяти, без которых трудно было бы воскресить образ города моего детства и юности». Роман представляет собой полифонию «голосов» разных людей из прошлого и настоящего, вспоминающих каждый по-своему город детства, а вместе «коллективная память» выдает наиболее объективный «портрет» послевоенного Ташкента, в котором смешалось всё: история, время, иллюзии и судьбы людей.

Писательнице удалось создать уникальный «психологический эпос». Она исследует особенности человеческой памяти, с ее выборностью оставленных случаев, впечатлений, когда «помню» и «не помню» – одновременно: «Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стекле. Не помню названия улиц. Впрочем, их всё равно переименовали. И не люблю, никогда не любила глинобитных этих заборов, саманных переулков старого города... Моя юность проплутала этими переулками и – сгинула. Я не помню лиц соучеников, и когда <...> ко мне подходит некто незнакомый и говорит: «Вспомни-ка школу Успенского», – я не помню, не помню, не помню! Тогда почему всё чаще, возвращаясь из Хайфы или Ашкелона домой, поднимаясь в свой иерусалимский автобус и рассеянно вручая водителю мятую двадчатку, глухо говорю: «В Ташкент?..» Вот на это «почему?» автор и пытается найти ответ. Не помнить внешних деталей, но до боли явственно помнить ощущения, ауру места. Не сам Ташкент, а «душу» города, которая состоит из моря чувств всех его жителей. Человек вращается в это грандиозное живое целое. Писательнице удается передать бесчисленность оттенков и тонов, их переливов в ежесекундном изменении. Автобиографическая героиня навсегда стала частью того далекого времени, но она другая – наивная, молодая, незащищенная, ранимая, ждущая от жизни нового и

замечательного. До слез жаль этой искренности, кажется, «растраченной зря», но ведь без этого не было бы теперешней зрелой мудрой женщины.

Роман представляет собой захватывающе интересную галерею портретов людей прошлого (отцов) и настоящего (детей). Центральной сюжетной линией является судьба девочки Веры Щегловой, будущей талантливой художницы, и ее матери Катерины, ставшей неуловимой предводительницей банды наркоторговцев по кличке Актриса. «Собственный характер волок ее на аркане к несчастьям и одиночеству... Вечная игра с огнем, глупый азартный риск». Чувствуя, что ее вот-вот арестуют, она, якобы из ревности, порезала ножом своего сожителя, чтобы сесть на малый срок, а не получить расстрельную статью за наркотики. Вернувшись из тюрьмы, Катерина начинает аккуратно через день писать в ЖЭК и милицию жалобы на дочь, требуя выселить ее из квартиры. Пришедшему разбираться милиционеру Вера объясняет: «Это из нее талант прет, понимаешь? Она талантливая, только образования нет, и жизнь была тяжелая – война, блокада... родные поумирали все... Если б ее вовремя образовать, вышла бы птица большого полета. Может, министр финансов, может, гениальная актриса...»

Вспоминая детские годы, Рубина задается вопросом, «почему у нас всегда возникает не восторг, не любование молодостью и детством, а жалость и четкая уверенность в их трагичности? Не потому ли, что на самых беззащитных расставлены силки. Как пройти по лабиринту, и где выход?» Автора возмущает почти общепринятая система побоев и унижений детей, которую до сих пор называют «воспитательной». В романе множество детских образов, их отношения с родителями, в основном, – взаимная ненависть. Верку жестоко избивает мать, сама девочка постоянно видит дикие сцены в семьях своих друзей и знакомых. Даже неплохие люди в роли родителей превращаются в раздраженных, жестоких тиранов.

Сосед, дядя Валя, живет с сыном-подростком Сережей. Малейший промах сына вызывает у него взрыв гнева, как будто речь идет о жизни и смерти. «Для Верки <...> это были страшные минуты. Забившись за шкаф, она молча глядела, как бегают с ремнем дядя Валя, как мечется по комнате, переворачивая стулья, Сергей. Оба орали как резаные. <...> Но вот что было страшно и нелепо: один человек гнался за другим, и тот, не отбиваясь, падал на пол, извивался и беспомощно вопил. И ничего нельзя было сделать, чтобы изменить это в мире». Для самой Верки «мать была данностью, как галера, к которой раб прикован до скончания жизни. Как крепостное право, в котором родился и умрешь. Мать была всегда и всегда была именно такой – орущей, дерущейся, непонятной, несправедливой, но привычной данностью. Освободиться от нее, деться куда-нибудь в те годы еще не приходило Верке в голову, как до поры до времени не приходит в голову рабу поджечь дом господина». Так взрослые ярко и зримо преподают детям науку ненавидеть, когда же будут учить любви и состраданию?

Книга помогает многое понять. В ней, как в волшебном фонаре, возникает прошедшая эпоха рухнувшей социалистической цивилизации, в ней нет ни осуждения, ни малейшего нажима или морализаторства. Незаметно становится понятным, почему наши родители поступали так, а не иначе, что пришлось пережить им в детстве и юности, почему они такие, почему такие мы и какими будут наши дети.

Многообразие колоритных ташкентских типов поражает. В этом городе в то время жили люди 98 национальностей и народностей, дети росли полиглотами. Перед читателем, как живые, возникают торговки с Алайского базара, узбечка Хадича, спасшая Катю от голодной смерти, сосланные в Узбекистан при разных властях русские дворяне, интеллигенты, воры, преступники, проститутки, школьные учителя и ученики, талантливые музыканты и художники, пленные немцы, японцы. Все они, спаянные временем и пространством, живут одной жизнью, влияют друг на друга, даже не догадываясь об этом. Писательница создает завораживающий калейдоскоп, в котором

мелькают различные человеческие судьбы, но всех объединяет эпоха – все «варятся в одном котле», что и позволяет автобиографической героине считать всех бывших ташкентцев чуть ли не родственниками. Действительно, все они были изломаны системой. На это накладывалась война, с ее смертями и голодом. Потрясает приспособляемость человека: в условиях медленного умерщвления души люди жили, радовались, но незаметно изменялись. В партийных верхах это называлось – формирование советского человека. Рубина пишет о тех, кто не поддался. Отчим Веры, человек высокой культуры, уходил в пьянство, как и многие его друзья-интеллигенты, а Веру спасло искусство, талант художника.

Автор чередует фрагменты судеб, по ее мнению, «...эту жизнь надо со всех сторон копать: и с начала, и с конца, и посередине. А если копать с усердием, такое выкопашешь, что не обрадуешься. В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни?». И действительно, поглощая страницы интереснейшего текста, читатель вдруг с изумлением понимает, что умирающая от голода, привезенная из блокадного Ленинграда, девочка Катя – это, страшная в своей жестокости и безумной жадности, будущая мать Веры, которую мы видим уже взрослой с первых страниц романа. Такое композиционное решение позволяет во всей полноте проследить жизнь каждого персонажа и, одновременно, переплести, соединить людские судьбы. Обязательно кто-то кого-то знал, вместе учились, одно время встречались, ходили в один кинотеатр на одни и те же фильмы, слышали от знакомых друг о друге.

По словам Рубиной, ей «ближе всего жанр трагикомедии, когда трагедия постоянно сбивается сарказмом и юмором... и низким, и высоким...». Вся книга проникнута ироническим отношением к окружающему. Несомненная удача писательницы – умение точно передать колорит разговорной речи людей разных национальностей и характерные черты их менталитета: «Молочница, носившая нам козье молоко, была украинкой. К ней однажды приехала дочь с маленьким ребенком. Еврейка бы тут же заявила, что это лучшее дитя на свете. А украинка выразилась откровенно: «Ой, Лыду, яке ж воно в тэбэ дурнэ!» Стоявшие рядом узбечки тут же закачали головами и сказали, что ребенок выправится. «А я говорю – дурнэ!» – припечатала бабушка».

Реалистическая манера повествования не предполагает употребление непременно изящного и гладкого стиля. В прозе Рубинной жизнь предстает во всех ее проявлениях: герои, в соответствии с уровнем развития, употребляют бранные слова, приводятся много примеров едких народных выражений, частушек, мгновенных отзывов горожан на происходящие события. Все они окрашены юмором. Так, в перестройку с центральной площади Ташкента убрали памятник Ленину, «а на пьедестале установили большой стеклянный шар». Ташкентцы немедленно съзвили: «Ленин яичко снес!»

Прекрасны у Рубиной глубокие погружения в воспоминания. В этих лирических отрывках повествование становится поэтичным, настоящим парением души, приобретает смысловую и ассоциативную объемность: «И все снятся и снятся эти розовые корни деревьев, шепот арыков, нежный шелк струящихся в воде водорослей...»

Изящная, утонченная проза писательницы доставляет особое эстетическое наслаждение своей музыкальностью. Это не удивительно, ведь автор 40 лет своей жизни отдала музыке, окончила консерваторию. Романы Рубинной пронизаны музыкой: каждой сюжетной линии, образу соответствует свой ритм, своя музыкальная тема. Описание выступления школьного хора с песней о Ленине – блестящая пародия на безумную пафосность советской идеологии, выполненная профессиональным музыкантом и талантливым писателем.

Глубокое знание мира искусства, живописи также придает романам писательницы особую философскую глубину и интеллектуальность. И это не случайно: отец – ху-

дожник, муж – художник, детство, проведенное в мастерской среди красок и холстов. Особенно ярко мир живописи во всех его ипостасях предстал перед читателем в последнем романе писательницы «Белая голубка Кордовы» (2009).

Название книги «На солнечной стороне улицы» взято из песни, которую девочка-подросток Вера слушала на подоконнике больничной палаты, прижав лицо к решетке:

И даже если б я не заработал ни цента,
Я был бы все-таки богат, как Рокфеллер,
Ведь столько золотого песка у моих ног,
На солнечной стороне улицы!

Тогда, в детстве, ей понравилась мелодия, но смысл песни она поняла только спустя много лет, когда услышала ее вновь в одном из блюз-баров Америки: единственное наше богатство, бесценный подарок – это жизнь, но на солнечную сторону улицы надо уметь выйти.

Эта книга – потрясение. Она захватывает читателя целиком, заставляет переосмысливать прошлое, а для молодежи является редким правдивым свидетельством нравов советского периода. Повествование многослойно по глубине: кто-то прочтет его как мелодраму о судьбе Золушки (Вера в конце книги выходит замуж за разбогатевшего давнего поклонника), а кто-то задумается о сложности, трагизме и счастье жизни. Роман, несомненно, является вершиной творчества писательницы, итогом осмысления прожитого. Может показаться, что он предназначен для читателей старшего возраста, но город детства есть у каждого, нравственные законы едины и неизменны, а время летит очень быстро.

Книга одной из лучших современных писательниц Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» удостоена главной литературной премии «Большая книга» за 2007 год. Радует, что после двадцати с лишним лет перестроечной неразберихи, невнятности тем и идей, торжествующей пошлости массовой культуры стали появляться умные, серьезные, значимые произведения, которым суждена долгая жизнь, в отличие от книг разового прочтения. Роман Улицкой написан в русле постреализма на прочном фундаменте исторического и автобиографического жанров – «живая повесть на обрывках дней».

Самое востребованное на сегодняшний день направление в романной прозе – подведение итогов. Но если Д. Рубина в своем замечательном романе «На солнечной стороне улицы» делает срез жизни общества на примере Ташкента и судеб людей в СССР, подводит итоги советской цивилизации, то у Улицкой масштаб другой, хотя вопросы, волнующие писательниц, схожи. Обе делают попытки достучаться до «оглохшего и ослепшего» в своей мелочности и невежестве человечества. Казалось бы, ничего нового: подобные попытки безуспешно предпринимали великие мудрецы разных эпох и народов. Но попытки эти не прекращаются, свидетельствуя о том, что для человечества не все потеряно.

Книги, обнажающие истинную суть явлений, обличающие ложь, вскрывающие вековые заблуждения людей, задающие неприятные для самолюбия вопросы, обречены на непонимание большинства. Такая книга обычно не приносит денег, вызывает шквал критики. Это писательский подвиг, свидетельство зрелости автора, осмысливающего итоги и собственной жизни.

Для раскрытия своего замысла автор выделяет два фактора, присущих каждому: национальность и веру. Что дает принадлежность или приверженность к ним человеку? И главный вопрос: что объединяет людей? Мы четко и сразу можем назвать множество разъединяющих моментов, а вот повторяемые всеми постулаты о дружбе и взаимопонимании, как правило, не находят подтверждения в реальности, оставаясь красивыми словами. В романе Улицкой серьезные вопросы решаются на примере судеб отдельных людей, которые, пересекаясь и проявляясь в разных точках мира, создают мо-

дель жизни человечества. Удачно выбрана форма подачи материала – эпистолярный, т. е. роман в письмах, датированных начиная с 1946 по 2006 год. Письма создают атмосферу искренности и исповедальности. Книга получилась честная, без лицемерных уверток и замалчиваний, с чувством доверия и расположения к читателю, апелляции к лучшему в его душе. Как разговор людей – братьев не по национальности и вере, а братьев по жизни на одной планете, разговор о том, какие мы.

Герои романа – люди разных стран, возрастов и национальностей. Историческое время – Вторая мировая война и до наших дней. Повествование существенно дополняет историю Второй мировой войны, позволяет увидеть трагедию не только в рамках одной России, но в мировом масштабе: события в Польше, партизанские отряды в Белоруссии, еврейские гетто, толпы беженцев. Человек, как в начале времен, оказался полностью незащищенным. Пытаясь выжить, с сердцем, полным ужаса, люди метались из страны в страну.

Центральным, объединяющим героем романа является Даниэль Штайн, который в годы войны восемнадцатилетним юношей по воле случая стал переводчиком в гестапо. По документам он значился вполне по-немецки – Дитер Штайн, а раскрыть свою национальность, означало немедленную смерть. Оказалось, что можно и в гестапо помогать белорусским крестьянам, которых фашисты расстреливали только потому, что не понимали, о чем они говорят. Ему удалось организовать побег трехсот человек из гетто. Он спасал, его спасали, он выжил. Сбылась его мечта: он стал католическим священником. В атмосфере непонимания, он всю жизнь старался примирить людей, очистить их сердца от зависти и злобы. Настоящий праведник, Штайн считал, что «Вера без дел мертва есть» (от Иакова (2,20)).

Даниэль Штайн – реально существовавший человек Даниэль Руфайзен, которого помнят многие ныне живущие люди. Пример того, как можно жить, никого не презирая, не унижаясь самому, стремясь делать добро. Он хотел, чтобы различия в вере и национальности не порождали вражды. В своей проповеди он говорил: «Я хочу, чтобы вера, которая у каждого человека есть личная тайна, была очищена от шелухи и сора. До цельного и неделимого зерна. Одно дело – верить, другое дело – знать, но важнее всего знать, во что веришь».

Такая книга давно должна была появиться в русской литературе, но время ее пришло только сейчас. Она позволяет многое понять, раздвинуть завесы лжи и недоумков, увидеть, как прекрасно и плодотворно сотрудничество и духовное обогащение при всеобщем уважении. А то, что происходит сегодня, по словам брата Даниэля, – это «настоящая победа взаимной ненависти». Обветшавшие, удобные прежде схемы уже не работают. Последние слова романа – обращение Л. Улицкой к читателям: «Я надеюсь, что моя работа не послужит никому соблазном, но лишь призывом к личной ответственности в делах жизни и веры. Оправдание мое в искреннем желании высказать правду, как я ее понимаю, и в безумии этого намерения».

Chumakevich E.V. Postrealism in the Modern Russian Prose: D. Rubina's and L. Ulitskaja's novels

The article considers D. Rubina's novel "On the solar side of the street" and L. Ulitskaja's "Daniel Stein, the interpreter", which were awarded the literary prize of Russia - "The Great Book" for 2007 (the third and the first accordingly). The features of post-realism similar in these works are investigated here; the connection between these two novels is convincingly shown – both of them cover an epoch of the war of 1941-1945 and post-war decades right up to our days. Both writers managed to create the unique "psychological epos": in D. Rubina's novel the best and the worst in the "soviet man" are shown by the examples of the portraits and fragments of old Tashkent citizens' fates; L. Ulitskaja's book about Christian priest Daniel Stein investigates the problems of belief and nationality on a global scale.

Матэрыял наступіў у рэдкалегію 02.09.2009